

Хао Синь посмотрела на бараноголового, охранявшего гору, и её милостивое лицо заметно похолодело:

— Подлинность Указа об освобождении из горы Лао не имеет значения. Важно лишь то, с какими намерениями пришли эти люди. Если они задумали тебя погубить, то, стоит тебе переступить порог, ты станешь трупом.

Хао Шэн смог удержаться в клане Хао, получить фамилию и быть вписанным в родословную, будучи лишь сыном наложницы, а также безбедно прожить жизнь избалованного господина в поместье боковой ветви клана — и всё это исключительно благодаря хитроумным планам своей родной сестры Хао Синь.

После того как Хао Синь дважды пресекла его порывы, он стал осторожнее и подавил в себе желание завладеть Указом.

В храме стражей горы драгоценности и духовные камни, лежавшие в подарочном ларце, исчезли, как только развеялись чары. На их месте обнаружили лишь куски сине-бурого камня, источавшие ядовитые испарения.

Янь Цинли внезапно почувствовала, что в носу зазудело, и, закашлявшись, повернулась к спутнице:

— Сяомин, ты чувствуешь какой-то странный запах в воздухе?

Сяомин с силой втянула носом воздух, немного подумала и ответила:

— Раз уж ты заговорила об этом, то да, пахнет тухлыми яйцами. Может, кто-то из культиваторов впереди пукнул?

Стоявшая перед ними женщина-культиватор закатила глаза, обернулась и принялась браниться:

— Это вы пукнули! Я тут впереди стою, и вонь просто невыносимая. Не ожидала, что вы решите свалить вину на других, чтобы оправдаться. Неужели в великих сектах такие нравы? Противно смотреть.

Янь Цинли, ни за что ни про что получившая порцию брани, переглянулась с Сяомин. Обе благоразумно промолчали, не желая ввязываться в бесконечную перепалку. Как говорится, мальчики больше всего боятся драк, а девочки — ссор, ведь крики и ругань могут длиться вечно.

Женщина еще немного повозмущалась в пустоту, но, не встретив отпора, сочла это скучным и, сдерживая гнев, отвернулась.

На горе Лао существовало незыблемое правило: никто, кроме Владыки горы Лао или

предъявителя указа об освобождении из Дворца Девяти Небес и Парящих Облаков, не имел права касаться Указа об освобождении.

То, что бараноголовый взял взятку и достал Указ, в глазах приверженцев ортодоксальных сект было грубейшим нарушением моральных устоев.

Чэнь Чжу, глядя на толпу культиваторов, жаждущих заполучить Указ, почувствовал гнев и возмущение — ему казалось, что мир катится в бездну.

Он сделал шаг вперед, сжимая рукоять меча, и обратился к бараноголовому:

— Мы все, и я, и эти двое из клана Хао, были отправлены на гору Лао как рабы. Мы равны и обязаны соблюдать законы этой горы. Как вы посмели нарушить древние наставления и открыть прецедент лишь из-за щедрых даров, присланных северным кланом Хао?

Чэнь Чжу держался с достоинством, а его статус ученика секты Цинтянь Янь делал его слова весомыми и авторитетными среди остальных рабов горы Лао. Его слова вызвали ропот среди культиваторов, у каждого из которых были свои мысли на этот счет.

Кто-то выкрикнул:

— Разве этот страж имеет право распоряжаться Указом? Может быть, у них в руках подделка? Иначе как эти два мелких демона осмелились пойти на такое тяжкое преступление, за которое их ждет кара и от Дворца Девяти Небес, и от самого Владыки горы Лао?

Другой добавил:

— Мне кажется, этот страж что-то задумал. Если он хочет скрыть следы, у него один путь — убить всех свидетелей. В прошлый раз мой соученик нашел поддельный Указ и погиб от рук защитного барьера. Неужели и в этот раз тот, кто коснется этой бумажки, навлечет на себя беду?

Толпа гудела. Чэнь Чжу повернулся к людям, сложил руки в приветственном жесте и сказал:

— Двое достопочтенных из клана Хао, прошу прощения, но надеюсь, вы одумаетесь. Это несправедливо по отношению ко всем присутствующим. К тому же, этот страж, стоящий на возвышении, хладнокровно наблюдал за тем, как мы подвергаемся опасности. Он эгоистичен и явно не замышляет ничего доброго!

Бараноголовый, чьи опасения были озвучены вслух, исполнился жадой убийства по отношению к мешающему ему Чэнь Чжу.

На глазах у десятков людей, еще секунду назад протестовавших против действий стража, голова Чэнь Чжу отделилась от тела. Обезглавленный труп рухнул в толпу, вызвав крики и хаос.

Многие, кто изначально хотел заполучить Указ, увидев гибель лидера, начали подстрекать толпу к нападению на бараноголового, надеясь урвать свою долю в возникшей неразберихе.

Ситуация вышла из-под контроля: стража окружили, Указ переходил из рук в руки, и вскоре на земле замерли первые тела.

Хао Синь и Хао Шэн успели схватить Указ, но, увидев, как культиваторы, ослепленные жадой крови, в безумии рубят воздух, поняли, что происходит нечто неладное.

— Брат, возьми Указ и уходи из дворца. Я пойду разузнаю, в чем дело, — прошептала Хао Синь, вложила Указ ему в руки, велела быть осторожнее и сама метнулась в храм стражей.

Внутри храма уже вовсю клубился густой сиренево-синий ядовитый туман. С помощью духовного зрения Хао Синь разглядела, что ларцы превратились в гробы разных размеров, доверху набитые ядовитыми тварями, а от драгоценностей и камней не осталось и следа.

Какое коварство! Он использовал этот ядовитый камень, чтобы отравить всех присутствующих.

Она горько усмехнулась. Чтобы замести следы и скрыть тайну, Хао Сянчи решил похоронить здесь всех до единого. Поистине безумец!

Послышались шаги. Хао Синь, обладая острым слухом, обернулась, но в тот же миг камешек ударил её по запястью, и Указ выпал из рук.

— Это ты, Янь Цинли?

Увидев, кто перед ней, Хао Синь насторожилась. Её меч, направленный на девушку, источал ледяную ауру.

— Ты следила за мной, чтобы отобрать Указ?

Янь Цинли опустила свой меч и постучала им по полу. Хао Синь в недоумении уставилась на неё. Янь Цинли присела на корточки, постучала пальцем по каменной плите и сказала:

— Посмотри на Указ, лежащий на полу. Ты уверена, что всё еще хочешь его забрать?

На полу, вокруг черной лужицы яда, шипевшей при контакте с камнем, лежала треугольная медная монета, испускавшая слабое фиолетовое свечение.

Лицо Хао Синь мгновенно побелело, она опустила меч.

— Как такое возможно? Это тоже не Указ об освобождении.

— Пока здесь Владыка горы Лао, ничто не скроется от его глаз.

Янь Цинли подцепила кончиком меча медную монету, вытерла её куском ткани, оторванным от алтаря, и, поднеся к слабому свету, задумчиво произнесла:

— И правда, обычная монета, что вешают под карнизами. Даже тот Указ, что был в руках у стража, оказался лишь миражом, созданным Владыкой. Похоже, чтобы выбраться отсюда, нужно получить его согласие.

Сидевший у неё на плече котенок лениво потянулся и мяукнул.

— А я-то думала, это наш шанс выбраться... Оказалось, пустая радость.

Хао Синь внезапно вспомнила о Хао Шэне. Если брат послушался её и попытался выйти с этой подделкой, быть беде. Она изменилась в лице, бросилась вслед за ним, призывая меч.

Янь Цинли закрыла тяжелые двери храма. Появился защитный барьер, окутавший храм мягким золотистым светом и отрезавший ядовитый туман. Она достала нефритовый плетеный браслет, собираясь спросить о нем, но обернулась — никого не было.

Котенок весело играл на полу с той самой медной монетой. Янь Цинли взяла её пальцами, прервав игру, и безмолвно посмотрела на кота:

— Человек ушел, а ты даже не предупредил. Мог бы хоть мяукнуть.

У меня нет столько свободного времени, как у тебя.

Котенок свернулся калачиком на сгибе локтя Янь Цинли, потянулся и с безмятежным видом подумал, что иметь такое человеческое подобие в качестве носильщика — весьма удобно. То, что она не съела её в свое время, а оставила при себе, было мудрым решением.

Во дворце горы Лао битва на площади стихла. Культиваторы, чье сознание прояснилось, оглядывались по сторонам, покрытые ранами, и, глядя на усеянную трупами площадь, в ужасе оседали на землю, дрожа всем телом.

Когда Янь Цинли прибыла на место, она увидела Хао Синь, которая неподвижно обнимала труп Хао Шэна. Выражение её лица было странным: она словно улыбалась и плакала одновременно.

Её брат не успел выйти из дворца с поддельным Указом — он погиб в хаосе, затоптанный насмерть в давке.

— При жизни был никчемным, и умер так же жалко. Неудивительно, что из-за тебя я застряла на этой горе Лао и едва не погибла по вине этого ничтожества Хао Сянчи.

Янь Цинли хотела было по привычке выразить соболезнования, но, услышав слова Хао Синь, осеклась.

Ци в теле Хао Шэна иссякла, меридианы разрушились, и на трупе начали проступать трупные пятна, а рука безжизненно соскользнула на землю. Янь Цинли присела и подняла запястье Хао Шэна. На нем был такой же браслет, как у Хао Синь, но надписи на нефритовых подвесках различались.

На подвеске Хао Синь было вырезано Сы Я, а на подвеске Хао Шэна — Нянь Шэн.

Девушка замерла: эти два браслета составляли пару.

Тело Хао Шэна вскоре унесли бумажные человечки, сбросив его вместе с остальными погибшими за пределы барьера горы Лао. Вскоре эти тела, еще не успевшие остыть, были разорваны в клочья волчьей стаей, бродящей по пустыне.

Хао Синь стояла на коленях, в её глазах пылала нескрываемая ненависть, но на щеках не было ни слезинки.

Никчемный слабак, который даже не смог стать достойным братом, не стоил её слез. Но за убийство родного человека она обязательно отомстит — когда выберется с горы, она сведет счеты и с ослепшим от предвзятости отцом-главой, и с той парочкой подлецов.

Перед глазами внезапно мелькнули два браслета с ярко сверкающими подвесками.

— Когда ты успела украсть мои браслеты?

Хао Синь вырвала их из рук Янь Цинли, бережно сжала в кулаке и гневно уставилась на неё.

Янь Цинли села напротив Хао Синь, скрестив ноги, и слегка улыбнулась:

— Я их не воровала. Они упали, когда ты была в колокол.

Хао Синь фыркнула, но её взгляд с невольной завистью скользнул за спину Янь Цинли. Сяомин с беспокойством наблюдала за происходящим, ожидая в стороне и не решаясь подойти.

Хао Синь выросла в клановом поместье, с детства зная лишь нужду, и все её помыслы были заняты только братом — она мечтала, что однажды он добьется признания главы клана, и они заживут в достатке. У неё никогда не было друзей, и за всю жизнь она не встретила ни одного человека, с кем могла бы разделить душевные порывы. Дружба этих двоих вызывала у неё жгучую зависть.

Янь Цинли мягко произнесла:

— Я следовала за тобой, потому что хотела спросить об одном человеке. Мой старый знакомый носил точно такой же браслет, и на его нефритовой подвеске тоже было вырезано имя Сы Я.

<http://bllate.org/book/18616/1792311>